

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2022.14.75.007

Этико-антропологические основы современного образования (опыт русской философии)

Исаев Андрей Викторович

Кандидат медицинских наук, доцент,
Воронежский государственный университет,
394006, Российская Федерация, Воронеж, Университетская пл., 1;
e-mail: isaevandrew@mail.ru

Аннотация

В статье обосновывается мысль о том, что сегодняшняя система образования должна быть направлена на реабилитацию и возрождение традиционного этико-антропологического образа человека. Это связано с тем, что в современном мире широко распространены постчеловеческие идеологии, ставящие задачу фундаментальной трансформации человека на всех уровнях (биологическом, психическом, этическом, духовном, социальном). Цель – достижение состояния, которое характеризуется такими параметрами как физическое бессмертие, идеальное здоровье, высокие когнитивные способности, модификация половой идентичности. Это означает фактическое исчезновение человека, поскольку он лишается важнейших этико-экзистенциальных характеристик, связанных с осмыслением своей конечности. Показана связь постчеловеческих антропологий с постмодернистскими интуициями «смерти человека». Предлагается обратиться к богатому опыту русской философии, которую традиционно называют антропоцентричной и этикоцентричной. Этико-антропологический корпус русской философии во многом является не только значительным противоводом против постантропологического уничтожения человека, но также значительной теоретической базы для формирования новой философии образования, основанной на фундаментальных духовно-нравственных ценностях отечественной культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Исаев А.В. Этико-антропологические основы современного образования (опыт русской философии) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 5А. С. 49-58. DOI: 10.34670/AR.2022.14.75.007

Ключевые слова

Образование, человек, антропология, постчеловек, этика, жизнь, смерть, бессмертие, иммортология, танатология.

Введение

В социально-гуманитарном пространстве в России и на Западе давно говорят об антропологическом кризисе. Говорят философы, педагоги, психологи, богословы, писатели, общественные и политические деятели [Воин, 2016; Кризис сознания, 2009]. Не только говорят, но и много пишут, проводят конференции, выпускают монографии, защищают диссертации. В каком-то смысле от чрезмерно частотного повторения слово «кризис» затерлось, ушла его актуальность и острота. Однако сегодня, это острота вернулась, так как в последнее десятилетие произошел серьезнейший вызов традиционному образу человека со стороны «постчеловеческих антропологий», которые оформились во вполне зримую социальную, культурную и финансовую силу. Сегодня под вопрос поставлено само бытие человека в его изначальной антропологической данности вплоть до биологической и половой идентичности. Распространившаяся *идеология антропоцена* стремится дискриминировать человеческую исключительность, лишая ее каких бы то ни было антропологических привилегий [Бинчик, 2022].

Знаками *постчеловеческой парадигмы* являются такие распространенные явления в западном обществе как *иммортализм* (крионика, трансгуманизм, аболиционизм, технологическая сингулярность, дигитальное бессмертие); *биоцентризм* (глубинная экология, темная экология, антропоцен, энвайронментализм); *биохакинг* (нарциссизм, идеальное здоровье, идеальная внешность); *трансгендерные эксперименты и феминизм* (смена половой идентичности, половая асимметрия); *феноменология нечеловеческого* (ужас перед нечеловеческим миром, хоррор); *танатологическая индустрия* (биоэтика, эвтаназия, танатопатия, медийная смерть) и др.

Все эти направления свидетельствуют о реальном *кризисе человечности* не только в моральном плане как недостаток доброты, сострадания, милосердия, но как недостаток человеческого в антропологическом смысле. Традиционно стояла проблема взаимоотношения человека и общества, поскольку всегда была угроза растворения личности в социальной безликости государства. Но сегодня человек оказывается размыт между *человеческим и нечеловеческим*, прежде всего природной окружающей средой, которая оказывается имеет не меньшие юридические права, чем человек.

Основная часть

Истоки постчеловеческих концепций уходят в постмодернистские теории о «смерти человека», означающие распад традиционного антропологического образа человека. Мишель Фуко полагал, что человек как концепт появился недавно и что ему суждено кануть в лету: «Человек, как без труда показывает археология нашей мысли, – это изобретение недавнее. И конец его, быть может, недалек... Человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [Фуко, 1994, 404]. Фуко не имел ввиду исчезновение человека в результате радикальной трансформации его биологической сущности, но деконструкцию концепта «человек». Вообще, в XX в. произошел фундаментальный сдвиг в сторону постчеловеческого. Но постмодернизм не инициатор этого процесса, но лишь его предчувствие и выражение.

Но этот сдвиг в сторону постчеловеческого набрал уже значительную силу, и сегодня в этих практиках речь идет уже об изменении биологической, психической, социальной и духовной природы человека. Теоретическая база этой идеологии такова. Человек в своем традиционном

облике буквально устарел; он страдает такими антропологическими изъянами как старость, болезнь и смерть, искоренить которые, не изменив человеческой сущности нельзя. Изменение, то есть улучшение «несовершенной» природы человека приводит к развитию таких современных «трендов» как ювенология (бесконечно долгое продление молодости), биохакинг (идеальное здоровье), иммортология (достижение бессмертия). Именно последнее направление самое распространенное и влиятельное на Западе.

Об этом говорят сами западные исследователи: «Во второй половине XX в. возникло несколько групп и движений, посвятивших себя задаче увеличения продолжительности человеческой жизни на сотни и тысячи лет или более того – по возможности навечно. ... Это криониисты, экстропианцы, трансгуманисты, сторонники теории точки Омега, сингулярианцы и адепты переноса сознания. И все они полны решимости одолеть смерть» [Шермер, 2019, 135]. Автор детально описывает действия, направленные на трансформацию человеческой природы, включающие сначала такие невинные вещи как физкультура и диета, а затем – частичное и полное имплантирование «уставших» органов и частей тела. Здесь в действие вступает уже генная инженерия, биотехнологии, которые должны привести к «морфологической свободе» постчеловека. «И все это для того, – пишет исследователь, – чтобы взять под контроль эволюцию и трансформировать наш биологический вид в нечто более сильное, быстрое, сексуальное, здоровое, обладающее превосходящими когнитивными способностями, каких мы даже не можем представить» [там же, 183].

Только вот вопрос: зачем?

В этой «философии» никогда не ставится философский вопрос о смысле жизни, о предназначении человека, о его духовной и нравственной сущности. Это не просто игнорируется, но считается как раз наследием архаичного, несовершенного, то есть больного и смертного человека, у которого только и может возникнуть такой «метафизический комплекс». Новый человек будет избавлен от всякой философской рефлексии, душевных переживаний и мук совести. Главное, он будет свободен от страдания – и не только от страдания в умирании от смертельной болезни, но и от страдания в самой жизни и после смерти. Это *эвтаназийный тип культуры* современного гедонистического потребительского общества, в котором на первый план выходит уже даже не только потребность в наслаждении, но потребность в самой потребности. Есть такая потребность, тогда есть и смысл, заключающийся в удовлетворении такой потребности. Ушла потребность – невроз, фрустрация, депрессия, экзистенциальная пустота.

Существует много причин, объясняющих это состояние глубинного антропологического кризиса. Начиная с Ницше, западная мысль в лице Шпенглера, Хейзинги, Ортеги-и-Гассета, Швейцера, Маркузе, Фромма, Хайдеггера, Бодрийара, Слотердайка и многих других создала мощный критический дискурс западной культуры, основным в котором является *дискурс заката*, конца, упадка, вырождения, деградации. Можно предположить, что в основе этого кризисного состояния новая фаза экзистенциального кризиса, охватившего цивилизованное человечество. Ее можно обозначить через традиционное понятие *Taedium vitae*, суть которого в пресыщенности жизни до отвращения. Сегодняшняя фаза этого состояния связана уже не столько с негативным отношением к жизни, сколько к человеку, к его традиционному, исторически фундированному антропологическому образу. Это состояние исследователи называют «усталостью быть человеком», поражающим, прежде всего антропологические трансформации для достижения иммортологических целей [Варава, 2020].

Эта усталость вызвана нежеланием нести «бремя» человеческой участи, которая завязана

на биологической и половой детерминации, и на таких важнейших экзистенциалах как старость, болезнь и смерть. Никакой нормальный человек не хочет болеть, стареть и умирать, это очевидно. Дело в другом: эти «предельные состояния» или «пограничные ситуации» даны человеку для духовно-нравственного роста. Избавиться от них не только невозможно, это биотехнологическая утопия, но и не нужно, поскольку это наносит ущерб самой человечности человека, его глубинной сущности, без которой он не может быть человеком.

В триаде человеческих несчастий – старость, болезнь и смерть, одна обязательна – последняя. Может не быть старости и болезни, но смерть будет обязательно. Поэтому в экзистенциальной философии именно смерть имеет первостепенное значение, поскольку лишь в ситуации предстояния перед смертью открывается подлинность жизни. Но и старость и болезнь тоже имеют свой смысл. Старость есть испытание жизни на духовную прочность: как в состоянии максимального угасания физического состояния сохранить моральную, интеллектуальную, душевную, то есть человеческую сущность. Не впасть в мизантропию, особенно по отношению к молодому поколению, и не отравлять свою жизнь бесплодными воспоминаниями о радостях молодости.

Болезнь также имеет свою метафизику: если ее воспринимать не как случайность и нелепицу, а как знак, тогда перед человеком открываются такие важные для его жизни вещи как: неслучайность своего бытия, и необходимость коренных нравственных изменений, которые в «здоровом» состоянии были незаметны. Многочисленные свидетельства из истории медицины «чудесных исцелений», – показания не только невежественных богомольных старушек, но и рассказы серьезных врачей, всю жизнь проработавших в хосписе с терминальными больными [Кюблер-Росс, Кесслер, 2015; де Граф, 2021].

Сегодня система образования призвана выполнить свою миссию, исходящую из значения самого слова – образовывать, создать по определенному образу. Разночтений в том, что такова основная функция образования практически нет. Споры о том, *какой образ взять за основу*, что может выступить в качестве идеала, образца, эталона для формирования личности на разных возрастных этапах ее становления (ребенок, подросток, юноша, молодой человек). Несколько десятилетий философско-педагогическая, психологическая, методическая мысль билась над этим, полагая, что таким образом может быть всесторонне развитая личность, профессионал, патриот, даже «образ Божий», если речь шла о религиозных смыслах [Исаев, 2013; Огурцов, Платонов, 2004; Розин, 2007].

В этом контексте цели и задачи сегодняшнего образования сводятся, мы полагаем, к главному – *защите человека*, сохранение не только его духовного и нравственного образа, но уже и биологической конституции, и половой идентичности. Антропный фундамент бытия пошатнулся, и речь сейчас идет уже о возрождении человека. Но искусственно человека не возродить, однако необходимы усилия со стороны философии. Философия всегда начинается с начала, она заново пересоздает бытие, и теперь ее время возрождать человека. Представляется, что *богатейшее наследие русской философии* может стать реальным теоретическим основанием для новой образовательной стратегии, цели которой сохранение человека и защита от деструктивных воздействий постчеловеческих идеологий.

Философия в России – это не абстрактно-кабинетная, чисто теоретическая деятельность, это дело самой жизни, стремящейся постичь тайны бытия и минимизировать разлитое по социальному, индивидуальному и историческому бытию зло и неправду. Это не отрицание мира, но острая нравственная реакция на существующее его несовершенство, проявляющееся, в том числе, и в повсеместно царящей несправедливости. Предельная нравственная

заостренность этих вопросов получила название «проклятых», нашедших свое наивысшее воплощение в творчестве Достоевского. Проклятых в том смысле, что ответить на них нельзя, но не задавать тоже невозможно. Их безответность не является показателем их бессмысленности и ненужности, как говорят представители рационализма. Мучаясь над неразрешимостью этих вопросов, человек совершает важную духовную и нравственную работу, всегда необходимую для него.

Уже поэзия Дмитрия Веневитинова – это в полной мере философский опыт в литературе. Это поэзия, вобравшая в себя глубинные национальные черты – предельную экзистенциальную тоску и неопределенность, в ней квинтэссенция той пронзительной философичности, которая также характеризует поэзию Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Кольцова, Никитина, Тютчева, Фета, поэзию Серебряного века вплоть до Иосифа Бродского. Веневитиновское «Но к темной цели дух парит» перекликается с пушкинским «Цели нет передо мною». И это не растерянность поколения «лишних людей», настроение которого тонко почувствовали и выразили поэты. Здесь скорее выявлены экклесиастовские интонации, идущие из библейских глубин. Только человек может чувствовать свою заброшенность в мир, свое одиночество и тоску и выразить это в философско-поэтическом вопрошании.

И это одна линия русской философии – философической поэзии (или поэтической философии); другая – прозаическая, связанная, прежде всего, с именами Гоголя, Одоевского и Достоевского. Всех трех авторов объединяет, прежде всего, этическая проблематика: Гоголь видит распад триады Истины, Добра и Красоты; Одоевский предъявляет высокие нравственные требования к обществу и человеку; Достоевский до предела обнажает проблемы совести, вины, страдания, оправдания человека и Бога в мире, полном зла и несправедливости, преступлений, подлости и жестокости. И у всех взгляд через призму смерти. Это отличительная черта русской мысли – неустранимое присутствие смерти, вне фокуса которой распадается всяческий смысл.

Гоголь один из первых в России, и едва ли первый на Западе увидел трагедию красоты, которая может быть злой. Этика и эстетика оказываются по разные стороны, и такова сущность современного ему искусства, отражающего духовный упадок культуры. Это упадок писатель во многом связывал с дехристианизацией жизни, с оскудением ее религиозного истока. В этом он был категоричен, что повлекло значительную конфронтацию с существующей литературной средой.

Влияние Гоголя как мыслителя имело определяющее значение для религиозной философии. Как пишет известный историк русской философии В. В. Зеньковский «...как показывает вся дальнейшая история русской религиозно-философской мысли, Гоголь вплотную подошел к самым основным ее темам» [Зеньковский, 1955, 47]. Значима для Гоголя и тема критики Запада, которая также является одной из главных для русской мысли. «Для Гоголя, - говорит В.В. Зеньковский, – в первой стадии его критики Европы, особенно мучительно и невыносимо эстетическое падение Европы, торжество в ней всего мелкого и ничтожного» [там же, 109].

Много позже Гоголя немецкий философ Фридрих Ницше будет много говорить о мелочности европейской культуры, в том числе и о «мелочности духа, идущей из Англии», грозящей погубить Европу. В этом смысле Гоголь выступает в качестве предтечи не только русских религиозных философов, но и философии Ницше. Конечно, эстетические позиции Гоголя и Ницше были различны; последний придавал самодовлеющее значение эстетике, полагая, что жизнь может быть оправдана лишь как эстетический феномен. Первый же считал эстетику средством для достижения нравственно-религиозных целей, в чем видел назначение искусства. Но общее – это обостренное внимание к красоте, раскрытие ее проблемно-

трагического и глубоко противоречивого характера.

Всего того, что найдет у Достоевского в значительной мере целостную философию красоты, в которой он увидел одновременно и величайшую спасительную и разрушительную силу. Эта целостность не предполагает замкнутости и завершенности, как раз наоборот, здесь открытость, противоречивость, загадочность красоты, разрыв всех устоявшихся обывательских о ней представлений. Так, с одной стороны у Достоевского вера в спасительную миссию красоты, выраженную в известных словах из романа «Идиот»: «Мир спасет красота», а с другой, в «Братьях Карамазовых» мысль о том, что «красота – это страшная и ужасная вещь», что в ней совмещен идеал Мадонны и идеал содомский, и что «тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей».

Эти мысли Достоевского о красоте, исток которых у Гоголя, тревожат не одно поколение думающих людей не только в России, но и во всем мире. И не только проблемой красоты возбуждает Достоевский высший метафизический интерес, но и темой человека, темой смысла его жизни и смысла страдания. Среди таких думающих людей на Западе, попавших под неустрашимое влияние Достоевского, был Ницше, считавший последнего своим учителем человека. Достоевский, разорвав прилично-благочестивый покров лицемерной морали, ворвался в человеческое «подполье», в котором обнаружил такие невероятные залежи человеческой низости и подлости, такие преступные немислимые замыслы, что это в одночасье разрушило все благодушные просвещенческие представления о человеке. Это сподвигло Ницше на фундаментальную ревизию морали (генеалогия морали), в результате он вышел на новый уровень моральной чистоты и совершенства человека, который достижим лишь на основании искоренения тех пороков, которые открыл Достоевский в человеческом «подполье».

Это очень важный сюжет нравственно-философских исканий Достоевского, ведущий и к Ницше, и к Фрейдю, к его теории бессознательного в структуре человеческой психики. Можно с абсолютной уверенностью сказать, что психоанализ был бы невозможен без предварительной аналитики «подполья» Достоевского. Как невозможна и полноценная критика фрейдизма за очевидное искажение душевных движений человека в сторону гипертрофированной сексуальности. Апелляция к Достоевскому «выпрямляет» внеэтическую однобокость фрейдовской теории.

Все это возможно потому, что главная тема у Достоевского – это тема о человеке. По сути, ни до, ни после него никто так прямо и глубоко не ставил вопрос о человеке в его трагически-непостижимом и проблемно-неразрешимом плане. «Человек есть тайна» – вот кредо Достоевского, то, с чего он начал свою творческую деятельность и к чему пришел в конечном счете. Его принципиальное отличие от всех существующих учений о человеке в том, что, они как правило, знают, что такое человек, что ему нужно и как обустроить его жизнь. Достоевский же пришел к совершенно иному – никакое позитивное знание о человеке невозможно, потому что и сам человек невозможен, и непонятно, почему он есть. Никакие законы, никакие правила, никакие программы не применимы к человеку – этому абсолютному чуду бытия. Здесь уместна сократовская формула: «знаю лишь то, что ничего не знаю». Парадоксальным образом эта формула, применимая к человеку, дает потрясающий эффект: человек как тайна может раскрыть такие невероятные истины о бытии, которые и не снились никаким позитивным учениям о человеке.

И необходимо еще сказать о В.Ф. Одоевском – создателе первого русского философского романа «Русские ночи», этой «философской модификации русского романтизма» (Ю. Манн). Конечно, это прецедент, точнее, беспрецедентное явление в истории русской литературы и

русской мысли. Исследователи испытывают всегда значительные затруднения относительно точного жанрового определения «Русских ночей», поскольку здесь все необычно и одновременно типично для русского ума. Невероятная всеохватность, энциклопедизм, страстность, синтез науки и искусства, моралистическая заостренность, социальный критицизм и пронзительная мистичность художественного повествования – во всем этом проявлена глубинная и специфическая философичность русской ментальности.

Уже во введении в несколько витиеватой форме Одоевский декларирует идею «вечной философии», которая проявляется всегда, во все эпохи, поверх всех наработок и изменений, поверх всего, что поглощается временем. Он говорит, что «Во все эпохи душа человека стремлением неодолимой силы, невольно, как магнит к северу, обращается к задачам, коих разрешение скрывается во глубине таинственных стихий» [Одоевский, 1975, 7]. Таково безостановочное стремление, свойственное каждому поколению, которое начинает эту работу заново. И в этом специфика философской работы: каждый раз открывать мир заново, поскольку истина не передается из поколения в поколения, но обретается каждый человеком и поколениям вновь. Это очень важная мысль, поскольку скепсис по отношению к философии – одна из болезней, в немалой степени присущая и самому философскому сообществу.

И немаловажно, что Одоевский воспринял критицизм и скептицизм Чаадаева весьма негативно. «Русские ночи», в которых Россия противопоставляется Западу в самом выгодном свете, представляют собой прямую противоположность идеям Чаадаева. Здесь возникает дихотомия старого больного Запада, загнивающего и погибающего и молодой здоровой России, цельной, призванной спасти эту умирающую западную культуру. Искренней верой в спасительную миссию России звучат слова Одоевского, выступающие прямой антитезой приводившимся выше словам Чаадаева. «Мы поставлены, – пишет Одоевский, – на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны преступлениям старой Европы; пред нами разыгрывается ее странная, таинственная драма, которой разгадка, может быть, таится в глубине русского духа.

Велико наше звание и труден подвиг! Все должны оживить мы! Наш дух вписать в историю ума человеческого, как имя наше вписано на скрижалях победы. Другая, высшая победа – победа науки, искусства и веры – ожидает нас на развалинах дряхлой Европы» [там же, 148].

Примечательно и само название произведения «Русские ночи»; в нем глубокий символизм. Ночь – это время, когда безраздельно царствуют силы тьмы и зла, открываются inferнальные бездны человека. Здесь, несомненно, сказывается романтическая тенденция поэтизации ночи, ночной стороны души и мира, но которая, в отличие от западных литератур выходит на этическое и экзистенциальное просветление. Во тьме начинает зарождаться истина, чей философский свет озаряет этот мрак и выводит уже в осветленный простор «Белых ночей».

Какие еще работы можно рекомендовать в качестве «противоядия» тем тенденциям, которые мы обозначили выше, а именно, иммортализм, биоцентризм, трансгендерные эксперименты и феминизм, феноменология нечеловеческого, танатологическая индустрия? В качестве ближайших текстов русских философов мыслятся следующее.

Работы, направленные против бездуховного и вненравственного иммортализма: «Смысл любви» В.С. Соловьева, «Бобок» Ф.М. Достоевского, «Супраморализм» Н. Ф. Федорова, «Самопознание» Н. А. Бердяева, «Путь к очевидности» И.А. Ильина. Без нравственного преображения бессмертие не только невозможно, но и не нужно – об этом русские философы говорят практически в унисон.

Для понимания духовного и нравственного смысле смерти и жизни важны такие

произведения: «Поэма о смерти» Л.П. Карсавина, «Смерть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого, «Софиология смерти» С.Н. Булгакова, «Смысл жизни» Е.Н. Трубецкого, «Смысл жизни» С.Л. Франка, «О назначении человека» Н.А. Бердяева.

Об ошибочности биоцентризма, феминизма, чрезмерной заботы о своем здоровье можно рекомендовать «О красоте в природе» В.С. Соловьева, «Метафизика пола и любви» Н.А. Бердяева, «Философия хозяйства» С.Н. Булгакова, «Этика преображенного Эроса» Б.П. Вышеславцева, «Религия и культура» В.В. Розанова и др.

Эти работы не только не потеряли своей актуальности, как раз наоборот, в свое время они во многом были «несвоевременными», и сейчас они точно соответствуют нынешней духовной ситуации. Особенность этих и многих других работ русских философов в том, что в них тема человека всегда имеет первостепенное значение [Гаврюшин, 1997]. Человек рассматривается во всей совокупности своих, прежде всего, этических характеристик. В результате перед нами человек в нравственной модальности: какой он есть (сущее), и каким должен быть (должное). Принципиальное отличие русской философии от различных технологий «улучшения» в том, что здесь речь идет о нравственном совершенствовании человека, который, оставаясь в своих антропологических границах, совершает непрерывное восхождение к новым духовным вершинам.

Заключение

Этико-антропологический корпус русской философии во многом является не только значительным противоядием против постантропологического уничтожения человека, но также значительной теоретической базой для формирования новой философии образования, основанной на фундаментальных духовно-нравственных ценностях отечественной культуры.

Библиография

1. Бинчик Э. Эпоха человека: риторика и апатия антропоцена. М.: Новое Литературное Обозрение, 2022. 209 с.
2. Варава В.В. Taedium vitae или иммортологическое безумие наших дней // Философия жизни и смерти в России: вчера, сегодня, завтра. М.: Русская философия, 2020. С. 23-33.
3. Воин А.М. Философия и глобальный кризис. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. 544 с.
4. Гаврюшин Н.К. (сост.) Русская религиозная антропология: Антология. М., 1997. Т. 1-2.
5. де Граф Ф. Разлуки не будет. Как пережить смерть и страдания близких. М.: Никая, 2021. 192 с.
6. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Paris: YMCA-PRESS, 1955. 179 с.
7. Исаев Е., Слободчиков В. Психология образования человека. Становление субъектности в образовательных процессах. М., 2013. 432 с.
8. Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. 272 с.
9. Кюблер-Росс Э., Кесслер Д. Живи сейчас! Уроки жизни от людей, которые видели смерть. М.: Эксмо, 2015. 170 с.
10. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб., 2004. 520 с.
11. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 460 с.
12. Розин В.М. Философия образования. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 576 с.
13. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.
14. Шермер М. Небеса на земле. Научный взгляд на загробную жизнь, бессмертие и утопии. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 396 с.

Ethical and Anthropological Foundations of Modern Education (Experience of Russian Philosophy)

Andrei V. Isaev

PhD in Medicine, Associate Professor,
Voronezh State University,
394006, 1, Universitetskaya Square, Voronezh, Russian Federation;
e-mail: isaevandrew@mail.ru

Abstract

The philosophical analysis presented in the article substantiates the idea that the current education system should be aimed at the rehabilitation and revival of the traditional anthropological image of a person. This is due to the fact that posthuman ideologies are widespread in the modern world, setting the task of fundamentally transforming a person at all levels (biological, mental, ethical, spiritual, social). The goal is to achieve a state that is characterized by such parameters as physical immortality, ideal health, high cognitive abilities, modification of gender identity. This means the actual disappearance of a person, since he is deprived of the most important ethical and existential characteristics associated with the comprehension of his death. The connection of posthuman anthropology with postmodernist intuitions of «human death» is shown. It is proposed to turn to the rich experience of Russian philosophy, which is traditionally called anthropocentric and egocentric. The author of the paper concludes that the ethical and anthropological corpus of Russian philosophy is in many ways not only a significant antidote against the post-anthropological destruction of man, but also a significant theoretical basis for the formation of a new philosophy of education based on the fundamental spiritual and moral values of Russian culture.

For citation

Isaev A.V. (2022) Etiko-antropologicheskie osnovy sovremennogo obrazovaniya (opyt russkoi filosofii) [Ethical and Anthropological Foundations of Modern Education (Experience of Russian Philosophy)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (5A), pp. 49-58. DOI: 10.34670/AR.2022.14.75.007

Keywords

Education, human, anthropology, posthuman, ethics, life, death, immortality, immortology, thanatology.

References

1. Binchik E. (2022) *Epokha cheloveka: ritorika i apatiya antropotsena* [The Age of Man: Rhetoric and Apathy of the Anthropocene]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ.
2. de Graaf F. (2021) *Razluki ne budet. Kak perezhit' smert' i stradaniya blizkikh* [Nothing Will Separate Us: Working Through the Suffering and Death of a Loved One]. Moscow: Nikeya Publ.
3. Foucault M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. St. Petersburg: A-cad Publ.
4. Gavryushin N.K. (comp.) (1977) *Russkaya religioznaya antropologiya: Antologiya* [Russian Religious Anthropology: An Anthology]. Moscow. Vols. 1-2.
5. Isaev E., Slobodchikov V. (2013) *Psikhologiya obrazovaniya cheloveka. Stanovlenie sub"ektnosti v obrazovatel'nykh*

- protsessakh* [Psychology of human education. The formation of subjectivity in educational processes]. Moscow.
6. (2009) *Krizis soznaniya: sbornik rabot po «filosofii krizis»* [The crisis of consciousness: a collection of works on the “philosophy of the crisis”]. Moscow: Algoritm Publ.
 7. Kübler-Ross E., Kessler D. (2015) *Zhivi seichas! Uroki zhizni ot lyudei, kotorye videli smert'* [Life Lessons: Two Experts on Death and Dying Teach Us About the Mysteries of Life and Living]. M.: Eksmo, 2015. 170 s.
 8. Odoevskii V.F. (1975) *Russkie nochi* [Russian nights]. Leningrad: Nauka Publ.
 9. Ogurtsov A.P., Platonov V.V. (2004) *Obrazy obrazovaniya. Zapadnaya filosofiya obrazovaniya. XX vek* [Images of education. Western philosophy of education. XX century]. St. Petersburg.
 10. Rozin V.M. (2007) *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of education]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute.
 11. Shermer M. (2019) *Nebesa na zemle. Nauchnyi vzglyad na zagrobnuyu zhizn', bessmertie i utopii* [Heavens on Earth: The Scientific Search for the Afterlife, Immortality, and Utopia]. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.
 12. Varava V.V. (2020) *Taedium vitae ili immortologicheskoe bezumie nashikh dnei* [Taedium vitae or immortological madness of our days]. In: *Filosofiya zhizni i smerti v Rossii: vchera, segodnya, zavtra* [Philosophy of life and death in Russia: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: Russkaya filosofiya Publ.
 13. Voin A.M. (2016) *Filosofiya i global'nyi krizis* [Philosophy and the global crisis]. Moscow-Berlin: Direkt-Media Publ.
 14. Zen'kovskii V.V. (1955) *Russkie mysliteli i Evropa. Kritika evropeiskoi kul'tury u russkikh myslitelei* [Russian thinkers and Europe. Criticism of European culture among Russian thinkers]. Paris: YMCA-PRESS Publ.